

У МЕНЯ нет таких друзей, которые мучительно доискиваются в тиши своих кабинетов, а где именно родился уважаемый Федор Николаевич Курихин?

И нет таких врагов, которые сходятся по вечерам и высчитывают по гороскопу, когда я умру.

Так что о моей биографии говорить не будем. Вместо нее я хочу рассказать об одном неприятном случае на сцене, жертвой которого пал я.

Лет сорок назад я работал в одном из столичных театров миниатюр.

Был бенефис (премьера труппы). По бенефисному обычаю даже самые пустяковые роли в пьесах были розданы наиболее крупным актерам труппы. В качестве одного из таковых я получил маленькую, почти бессловесную роль в очень смешном водевиле, где на сцене были два плана: около купальни и в самой купальне.

Около купальни проходит и завязка и развязка водевиля, а я должен был сидеть все время в купальне и в конце, перед самым занавесом, нырнуть в воду и исчезнуть.

Мне не очень хотелось брать эту роль. Сами понимаете: сидеть четверть часа на глазах у зрителя в купальном костюме, ничего не говорить и ничего не делать...—занятие не из приятных.

Тем более, что режиссер, человек весьма неверчивый к актеру, довольно сухо предупреждал меня:

— Помните, Курихин, никаких трюков. Сидите и смотрите по сторонам. А после слов «Вот и он» влезете в воду.

Перед самым спектаклем бенефициант умоляюще сказал мне:

— Слушай, Федя! Будь человеком. Не срывай всякими штуками водевиля. Не играй, а сиди. Это центральная вещь спектакля. Сорвешь ее — испортишь мне бенефис. Сделай вид, что тебя нет на сцене. Дашь слово?

— Даю, Вася.

Весь спектакль, пока не дошла очередь до этого водевиля, я сидел в актерской уборной и волновался больше, чем когда-либо. Провести пятнадцать минут в молчании и бездействии — это не так просто, как кажется.

Наконец, настал жуткий момент: подняли занавес. Слева на сцене, разделенной пополам, завязка водевиля. А я сижу на правой половине, отделенной стеной купальни, сижу, как идиот, в купальном костюме и смотрю по сторонам.

В публике начались смехи.

— Не будь хамом, Федя, — слышу я сдавленный шепот бенефицианта сквозь зубы. — не привлекай внимания. Не сиди, как кирпич.

Я почувствовал себя виноватым и лег на скамейку.

Смехи стали сильнее.

— Встаньте, — прошипел из-за задника режиссер, — не срывайте действия.

Я сразу приподнялся и сел.

Смехи превратились в хохот.

Положение у меня становилось безвыходным. Публике определенно было интереснее смотреть на то, что будет со мной, чем на героев водевиля.

«Хорошо, — подумал я, — буду опять сидеть, как истукан. Пусть успокоится».

Зрители через минуту действительно успокоились и перенесли все свое внимание на левую половину сцены.

Вдруг в этот момент на сцене из-за кулис появляется наша театральная кошка. Спасибо. Она деловито прошлась по авансцене, потом повернулась, подошла ко мне, прыгнула на скамейку и стала меланхолически смотреть в ту же сторону, куда и я.

Я понимаю зрителя. Наверное, вид человека в купальном костюме рядом с кошкой был очень смешон. Зал начал грохотать.

— Убери кошку, скотина! — прорычал бенефициант, ослепленный хохотом зрителей во время монолога.

Схватить кошку и уйти со сцены — значит еще больше развлечь зрителя. Я осторожно взял ее на руки и, думая, что это пройдет незаметно, спихнул ее в люк, изображавший воду в купальне.

Может быть, этот факт и действительно произошел, бы незаметно, но на мое несчастье внизу, под сценой, сидел театральный рабочий, державший лестницу, по которой я должен был спуститься вниз. Когда на него внезапно упала сверху кошка, он инстинктивно схватил ее и бросил обратно вверх. Кошка взвилась снизу и упала ко мне на колени, свалив меня со скамейки.

Больше ничего уже не было. Ничего, кроме какого-то визга и хрипа из зала. Зрители смеялись прямо угрожающе, шаркая ногами, хлопая стульями.

Я сидел как убитый.

— Уйди со сцены, мерзавец! — донесся до меня голос бенефицианта. — Уйди, проклятый!!

Я решил махнуть рукой на все. Все равно мне нужно было нырнуть в конце концов.

Нырну немного раньше.

Я стал спускаться в люк, как будто бы сходить в воду. И тут началось самое страшное. Рабочий внизу, обесившись, обхватившись на случай с кошкой, убрал лестницу и ушел. Я повис на руках. Туловище и ноги внизу, а голова моя болтается почти на уровне пола.

Смех в зале превратился в вой.

— Нырять! — уже закричал бенефициант, ворвавшись на перегородки в мою половину. — Нырять, животное!

— Не могу, Вася, — жалобно пролепетал я, стараясь удержаться, чтобы не упасть.

— Нырять!

— Не могу... Помогите вылезти...

Он с омерзением протянул мне руку. Я уцепился за нее и вылез. Продолжать водевиль было нельзя. Дали занавес. Вызывали только меня. Бенефициант стоял за кулисами и шептал в религиозном экстазе:

— Господи! Господи, дай этому суживу сыну, чтоб он слома себе спинной позвоночник.

Потом вся труппа поехала ужимать. Утощая бенефицианта. Меня не позвали. Я одиноко пошел домой, виновато вздыхая.

Бывали у меня и удачные случаи в жизни. В Киеве, например, однажды сгорел театр, и я два недели мог удить рыбу вместо репетиций. В Самаре я хотел перейти в оперетту, но перед спектаклем вывихнул ногу.

А так биография у меня обыкновенная.

Не хуже, чем у других.

Ф. КУРИХИН,
засл. артист РСФСР

Неприятный случай

КОМСОМОЛЕТ ТУРКМЕНИСТАНА

Г. Аджарай

С. АР. 1958